

Виктор Молокоедов

**Размышления
о смысле
жизни.
Гипотеза Бога**

Виктор Молокоедов

**Размышления о смысле
жизни. Гипотеза Бога**

«Издательские решения»

Молокоедов В.

Размышления о смысле жизни. Гипотеза Бога / В. Молокоедов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988842-6

Со страниц этого сборника афоризмов вам в руки упадут жемчужины мудрости. Автор следует дорогой великих мыслителей, выбирая при этом свой путь. Вечные вопросы познания тайн Вселенной, смысла существования и цели Создателя... И книга должна непременно стать настольной и не только потому, что изречения пригодятся в разных случаях вашей жизни. Высказанная мысль — достояние общечеловеческое, а значит, автор говорит о каждом из нас.

ISBN 978-5-44-988842-6

© Молокоедов В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Природа и Сознание. Человек разумный	6
Глава 2. Проявления Бога. Вера и сомнения	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Размышления о смысле жизни. Гипотеза Бога

Виктор Молокоедов

© Виктор Молокоедов, 2020

ISBN 978-5-4498-8842-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Природа и Сознание. Человек разумный

Мыслящему человеку, как и путешественнику, случается остановиться и оглядеться. Путешественнику – чтобы сориентироваться на местности, мыслящему – чтобы уяснить смысл и определить цель жизни.

На вопрос о смысле жизни, однако, нет лёгкого ответа, и большинство людей безнадежно оставляют его. Вместо этого обращаются к средствам устроить жизнь. Целью жизни становится расширение ассортимента этих средств. Путешественник останавливается и начинает пастись.

Милостивая природа оставила нетронутым богатство чувств человеку, возвысившемуся разумом среди живого мира. Но сохранить и прирастить это богатство она передоверила разуму, своему союзнику.

Пренебрежение разумом есть предательство, и безнаказанным для человека оно не остаётся. Меркнет запущенный разум – тускнеют для человека и краски мира. И эту потерю уже не восполнить ни разнообразием впечатлений, ни искусственным подогревом.

Повседневная жизнь часто недооценивается в виду надежд на многообещающее будущее. Но вот отрезвляющий вопрос: согласился ли бы ты проскочить эту неудобную жизнь, чтобы оказаться в блистательном конце своей судьбы?

Тот, кто не знал духовного наслаждения, бытовые удовольствия ставит верхом желаемого. Так равнинный житель ближний бугор принимает за гору.

Мы заглатываем всё больше по мере того, как остывает напиток. Всё больше нам надо от жизни с возрастом и с распущенностью.

Философия никогда не была в почёте. Даже во времена расцвета приверженцы её едва могли сохранять зыбкий круг посреди людского моря.

Среди прочих товаров, как слишком сложная в употреблении, философия пользуется у населения наименьшим спросом.

Древние философы известны большинству людей – не по книгам, а по рисункам и статуям. И ничего особенного они собой не представляют. Чтобы походить на них, достаточно приладить курчавую бороду.

«Терпеть не могу философии», – слышишь нередко, едва разговор отвлекается от обыденности. Не сразу и найдёшь, с какой стороны обличить добровольную глупость. Но лучше промолчать: тому, кого нельзя вразумить, всякое доказательство длинно.

Неизлечимого больного, находящегося в коме, сравнивают с овощем. Много ли отличается от растения тот, кто в памяти, но не пользуется ею. Кто бежит от обзора своей жизни?

Под словами «узнать жизнь» подразумевается всего-навсего общение с возможно большим числом людей и участие в возможно большем числе ситуаций. Но ошибочно считать, что другие люди знают жизнь. Они такие же, как мы, и не имеет смысла перенимать их неясное понятие. Знание жизни не даст и обилие жизненных обстоятельств, всё равно они не могут быть всевозможными. Его может дать только собственное размышление, для которого хватает и немногих примеров.

Понимание жизни сходно с процессом чтения: то в рассеянии понимаешь слова и не понимаешь фразу, то воспринимаешь эпизоды и не улавливаешь замысла. Так и жизнь несобранный человек видит разнородными кусками, целое от него ускользает.

Вполне доверяясь методичному, научному познанию мира, мы плотнее закрываем себе путь живого, интуитивного познания.

У глубокомыслия дна не достанешь.

Признавая, что основным инструментом разума в нашем мире является логика, признавая безусловную однородность разума во всех мирах, нельзя всё же настаивать, что и в других мирах логика имеет ту же непрекаемую силу, или что она вообще используется. Вместо логики с её дроблением событий на причины и следствия, кому-то посилен единовременный охват и проникновение.

Нет ничего устойчивого и надёжного в нашем мире, кратка история человечества, коротка память человека. Остаётся надеяться на то, что существует и ждёт нас более прочный, высокий мир, где ничего не теряется.

Человек прозревает дважды – когда рождается и когда одумается.

Сверхъестественным часто называют то, что вернее бы назвать неизвестным или необычным. Как для необъезженной лошади, каждое открытие проходит через стадии: поразительно, непривычно, ничего удивительного, а как же иначе.

Правила не без исключений. Подозрительны только правила, в которых больше исключений.

То, что видел и представлял себе, первый человек изображал рисунками; потом, упрощая, схемами; потом стал прибегать к формулам – всё дальше отходя от самого предмета. Теперь между предметом и его выражением пролегает длинный путь специальных знаний. Очевидно, что это не самый рациональный путь – ни для обучения, ни для записи.

Мысли и слова в таком же несравнимом соотношении, как живая природа и попытки её воспроизведения.

Реальность наверно и проще, и сложнее нашего видения и наших суждений.

При желании в каждой мысли можно найти, что оспорить. Вся надежда на добросовестного собеседника, он воспримет именно предлагаемую тобой часть.

Давайте работать не только для доказательств, но и для истины.

Злой человеческий ум раздувается, как резиновый шар, и уже близок к тому, чтобы лопнуть.

Эволюцией человеческой породы можно управлять. Но если браться за это, то осторожность требует прежде знать, для чего, и только потом – как.

По логике рассудок несовершенен, по страстям неисправен.

С опытом естественно приходит к человеку пусть и не совсем верное, но твёрдое понятие о пространстве, времени, о последовательности событий, о причине и следствии. Поучившись, можно понять механизм зарождения жизни из неживой материи, можно представить себе эволюцию живого. Но выше нас понимание способности материи мыслить, понимание перехода из материи в мысль, понимание самой природы мысли.

Мы не можем ответить себе на вопрос, что такое разум. Мы годны только на то, чтобы осилить частные, практические вопросы: для чего живым существам чувствительность и элементы рассудка, как эволюция подвигает их до способности мышления.

Если пространство способно переносить мысль, оно способно быть и её вместилищем. Неощутимо для человека мысль его воздействует на пространство. Можно только предполагать, насколько тесна её связь с общепространственным сознанием.

Мы и отвлечённо мыслим не без волнения. Чувство – это природное свойство мысли. Машина, как бы она далеко ни ушла от арифмометра, способна только на имитацию мысли.

В наше время уже мало кто сомневается, что память и мысли человека могут быть записаны. Вслед за первым успехом можно не сомневаться, что эта операция вскоре станет общедоступной.

Дело техники записавшему нас устройству придать руки-ноги – и возрождается человек в новом организме, из железа и пластмассы, обладающем явными преимуществами перед биологическим организмом: ему не нужны еда, питьё, одежда, любовные дела, он не знает усталости, ничто не мешает ему неустанно трудиться на благо живых.

Иными словами, в таком варианте мы получили бы несчастного уродца, который не оценит своих преимуществ и потребует эвтаназии.

И всё же можно порадоваться чисто техническому прогрессу. Он обнадеживает. Не важно, сколько времени потребует на поиск путей записи и воссоздания, важно для начала поверить, что бессмертие может быть реально обеспечено техническими средствами.

До постижения своей сути и подлинной связи с миром человечеству далеко. А при коротком человеческом веке решение этой задачи покажется человеку и вовсе нереальным. Но не всех это останавливает. Кому-то через силу, кому-то по воле случая удастся приблизиться и заглянуть в манящую бездну.

К сожалению, эти счастливицы (или несчастные) неразговорчивы.

Известны опасения, что машина может поработить человека. Изобрели считалку, восхитились своим мастерством и, возвышая собственный статус, притворно испугались.

Чаще натягивать вожжи и возвращать несущееся воображение в колею зримой возможности.

Загадка озаряет красотой то, что для знающих людей обыденно.

Важнейшие тайны не поддаются разгадке, но верных себе они окрыляют.

Какая выдумка может превзойти реальность!

То, что ты знаешь мало, не так важно; важнее, как ты пользуешься тем малым, что знаешь.

По разговору – глубоко мыслящий человек, по образу жизни – мелкий собственник.

Когда человек оставляет свои мысли на запасном пути, жизнь старается отогнать их в тупик.

То, что некогда высказывалось просвещёнными людьми, многие люди и сейчас передумывают, и будут ещё думать. Просветители ставили точку не потому, что одолели предмет, а от бессилия.

Удачным мыслям по той же природе, что и удачным голам, часто помогает слабость противника.

Мудрость проста. Через поэзию это видно отчётливо.

«Великие люди», – говорим мы, выделяя из нас же. С высоты же Вечности уровни людей едва разнятся, и большинство людей сознаёт, что это отличие не стоит обставлять столь пышно.

Философы с отчаяния делают бесплодную попытку – прожив, оставить царапину на камне времени: «Здесь был Ваня».

Если бы стали известны все мудрые люди, жившие с незапамятных времён человечества, то на тех из них, кого случай оставил в памяти, потускнел бы ореол величия.

Авторство на мысль случайно и сомнительно. Пути развития, ходы ума, и даже обстоятельства, питающие его, сходны у множества людей.

Высказанная кем-то мысль не присваивается и не приватизируется, – это достояние общечеловеческое.

Мыслители, ставшие известными миру, выделились среди людей не только благодаря тому, что умели думать, но и потому, что умели слушать. Половина авторства приходится на окружение.

«Ничто под луной не ново». Неужели действительно весь мир подобен квартире?

Ничто под луной не ново – неопровержимые, многократно опровергнутые слова.

Для тех, кто с ними согласился, выходит, что не только не следует пытаться искать что-то новое, но и старое не стоит того, чтобы его помнить и знать. И человечество забыло предыдущие цивилизации, новые поколения равнодушно шагают мимо красот, столетиями восхищавших людей, вновь и вновь бросают нажитое, стремясь неизвестно к чему.

Эти слова остановили много хороших людей, но мир движется благодаря тем, кто не поддавался их очарованию. С тех пор, как они были произнесены, само выражение «под луной» изменило смысл, не говоря уже о том, что мы заподозрили, что мир не заключён в одном видимом пространстве.

Красоты цивилизаций не меркнут, расстояние только для глаз уменьшает их блеск. Всё ново в каждом человеке, повторяясь в новом качестве.

Каждый человек – это мы с вами плюс нечто ещё.

Большей частью помыслов человек вовне, серьёзнейшей частью в себе.

Для счастья питательная среда – люди.

Ноги – ходить, глаза – смотреть, душа – радоваться.

Осторожно: любой предмет в состоянии заслонить весь мир.

«Не умеет жить» – фраза, над которой нелишне задуматься. Чаще всего её произносят, имея в виду сомнительный рецепт.

Использовать, использовано – слова эти или бессмысленны, или не несут должной нагрузки

Воспитание детёныша обезьяны на первых порах обнадёживает. Сколько-то месяцев развитие его почти не отличается от развития человеческого. Но скоро для него наступает физиологический предел.

Человек тоже излишне обнадёживает. Кажется, что развитие человека не ограничено. Но и тут наступает насыщение. Взрослый человек гордо несёт голову, забитую мыслями о зарплате.

Среда обитания человека предоставляет ему выгодные условия по сравнению, например, с обитателями морей. Те не могут знать о звёздах и великих пространствах над морем. Но и мы ограничены нашей средой, лишь проблесками подозревая о существовании иных миров, рядом с нами и над нами.

Бытовые, повседневные радости – это стёртая разменная монета и мелкие затасканные купюры. Радость высокой мысли – это купюры крупные, хрустящие, они редко ходят.

Мир давно бы устроился, если бы идеи добра и справедливости имели постоянную силу горения, ту, с какой они зажигают людей. Но, вспыхнув на время, они дальше тлеют, теряя приверженцев.

Злого начала – нет, и не было, в природе не видно его преднамеренной надобности.

Если бы не было зла, было бы добро, но не было бы понятия о добре.

Только по недосмотру логики слова: *любовь, талант, счастье* не соединены корнем друг с другом.

Душа человека могла бы быть изображена вектором мощности, где добро и зло – составляющие напряжения, а темперамент – силы тока.

О славе: не выставлять себя на позор даже достоинствами.

Те, кто убеждён в тщете славы, хотели бы её – на всякий случай.

Природа за верность себе платит добром.

Если предоставляется выбор, здоровый человек предпочтёт заменителям естественную и свежую пищу. Для ума естественной пищей является жизнь, и эта пища тем здоровее, чем проще.

На мир мы смотрим то с любознательностью, то по настоятельной необходимости, а то и просто потому, что некуда отвернуться.

Над вопросами жизни и смерти надоедает думать как человечеству, так и человеку. Причина одна – ненадёжность решения.

Дельфины не нападают на человека не потому, что невкусно наше мясо. Видно, у них, разумных, табу на родственных по разуму.

Каков смысл жизни – этот вопрос, как и поиск смысла у смысла, выше человека.

Право на жизнь. Отнял бы ты у кого-нибудь спасательный круг, или же свой – дал ему отдышаться?

Всю жизнь человек на волосок от смерти – поразительно немного ему для этого надо. Кто пожил больше, тот и понял лучше – что жизнь коротка.

Будем же радоваться тому, что нам позволено было видеть этот мир. А перед небытием – преклоним голову, как перед высшей грозной непостижимостью. Или как перед благословенной тишиной от нашего трескучего мира.

Полноценный человек без участия Бога? Одни лёгкие не справятся без участия кожи.

Жизнь непрочна, и ничто в ней не гарантировано. Надёжна лишь тайна её смысла.

Не зная смысла жизни, не найдёшь для неё разумной цели.

Рисковать жизнью – печальная необходимость нашего времени. Чем больше человек размышляет, тем в больших он неладах со смертью. Подлинная цивилизация должна исключить риск, а желание рисковать сделать атавизмом.

«Отдать жизнь» – слова. Отдать, когда никто не берёт, нельзя. Жизнь можно прервать и прекратить, и суть этого преступна и прозаична.

Отдать жизнь за кого-то – всего лишь лишиться её из-за кого-то.

Если ради идеи приносится в жертву жизнь человека, эта идея злокозненна и не имеет права на реализацию. Ничто не может быть даже приравнено к жизни.

«Прекрасная смерть» – противоестественное, уродливое понятие.

Замкнутая накоротко электрическая цепь перестаёт работать, замкнутая на себя жизнь прекращает развитие человека. Тому и другому нужен какой-то внешний потребитель.

Душа, как солнце, больше утром и вечером.

Жизнь – путь краткий до мгновения и длинный до бесконечности.

Русские сказки предупреждают: иди, но не оглядывайся. Человеку занятому и некогда смотреть назад. Живущий среди людей не беспокоится, он знает, что он и сейчас нужен, что его и завтра везде с руками примут, и что всегда он для кого-нибудь да пригодится. А пустой суетится.

Человек – нечто законченное природой, как и каждый вид животного мира. Наша мечта о физическом бессмертии и о всесии – это уже не о человеке, это о другом виде.

Веселье повседневно. Радость происходит от успешного дела. Высшая радость доставляется стоящим делом.

Условия своего счастья человек носит с собой, а ищет на стороне: не сразу их в этом качестве распознаешь, не каждый найдёт их у себя.

Человеку с его постоянными промахами и глупостями следовало бы быть недовольным собой. Но он не великодушен. За свои ошибки он винит других.

Человек растёт, меняется, а честность и правдивость перекройки не требуют.

Взглянуть на окружающий мир со стороны. Представление о мире тем вернее, чем чаще мы от него отвлекаемся.

Мысль как дым – чем выше от земли, тем светлее.

На вопрос о пользе наук и стимуле их развития любой встречный ответит вам чётко и с ходу: как же, благо человечества.

Попробуйте получить такой же чёткий ответ на вопрос: что такое благо человечества.

Иногда покажется, что сила исторической мысли пронизывает Землю помимо нас. Своими заезженными решениями она предопределяет дальнейший путь человечества и может предсказать его не хуже Провидения.

Любознательный человек стремится к высоте, откуда лучше виден мир. Место это не гора – с неё хорошо видна лишь местность, и не пост – с него видны только люди. Место это – разум. С этого места доступно всё: и то, что перед глазами, и то, что за экраном, и местность, и даль.

Погружаясь вглубь науки, не забывай поглядывать в перископ здравого смысла.

Умные люди бегут от скрупулёзного изучения предмета, понимая, что их не хватит.

Есть неудобство в обилии идей – многое забываешь. Это то же, как если бы из полных карманов терялись купюры. Кто бы на такое неудобство сетовал.

Кругозор пропорционален высоте общественного положения и широте знаний.

Ум пропорционален любознательности.

Разуму подвластен мир, ибо разум видит и оживляет материальный мир. Это больше, чем управляет. Без осознания мир был бы тупое ничто.

Как документ без подписи, мир не имеет силы без удостоверения его разумом.

Благодаря субъекту существует объективный мир.

Свет мира включило не солнце, а жизнь.

Человек есть животное – говорят те, что имеют в виду его тело и его естественные потребности. А как выразиться тому, кто видит в нём дух и Разум, переваривающий пространства Вселенной?

Деятельному человеку не помешал бы совет: остановись и подумай. И вначале о том, над чем из предлагаемого жизнью следует думать.

Для любознательного мир велик, загадочен, удивителен, прекрасен. Для равнодушного зрения гладкая дорога.

У человека большие задатки. Употребляет же он малую часть их – чтобы обеспечить. Машина предназначалась возить, а она тарахтит на месте, сжигая топливо.

Бог не всё может. Это мы, необузданные в страсти воображения, могли бы всё, не взирая на разрушения; часть из этого и делаем.

Лишив доисторического человека естественного покрова, природа принудила его к заботам об одежде и жилище и подтолкнула к развитию. Не бесспорно, что она стихийна и нет у неё направления и цели.

Успехи практиков вроде Мичурина, за ним генетиков наводят многих на мысль, что человечество обретает власть над природой. Не властвующий над собой претендует на власть над тем, что его создало!

Но чем дольше трезвый человек всматривается во взаимосвязь вещей и явлений, тем яснее осознаёт свою зависимость и вину.

Есть материалисты, которых создало размышление, а есть – которых формируют материальные блага. Не удивительно, что их больше: даже своих противников они в конце концов ставят в свой строй, урезывая их ножницами необходимости.

Мы готовы верить проходимцу, раскрывшему закон гравитации, или ещё одному, освоившему в чулане превращение дешёвых элементов в золото, с отдачей энергии. Сенсация затем тихо тонет или с шумом лопается.

Когда мы сообразим, что мы легковуры, от нас достанется и правдолюбцу.

Искусство и философия для разума – ноги. Наука и техника – костыли, нужные, пока слабы ноги.

Без техники не уйдёшь далеко; без веры в бессмертие духа – идти некуда.

Стройное учение, каким бы крепким ни казалось, затрещит от вопросов.

Истину не запрядешь, она, как влага, сочится во все стороны, впитывается сверху и поднимается снизу.

Необходимое условие для того, чтобы истина царила, это возможность говорить относительно дела всё, а не выборочно, свободно, а не с оглядкой.

Краткость – сестра таланта, если она результат допустимых сокращений. Важно не перебрать, чтобы не обратить её в плоскость.

Как вести себя – это об обществе, как жить – это о человеке.

Природа и общество. Мы так часто ставим эти слова рядом, что во славу себе привыкли считать их равновеликими.

Наши предки были основательнее нас. Мы пользуемся массой дешёвой информации, непроверяемой, не выше слухов. Нас формируют чужие наблюдения и пересказы. А те учились на собственном опыте.

Долговечны мысли лишь о самом человеке. То, что говорилось о нём ещё в древности, как будто сказано сейчас. А всё то, что когда-то высказывалось об устройстве мира, в наших глазах оказалось наивным, годным разве для шуток. Придёт время – и наше научно обоснованное мировоззрение будет тоже вызывать улыбку снисхождения.

Разуму не с родни разрушить чью-нибудь жизнь или убеждение. Легко в этом плане тому, кто не осознаёт в себе жизнь и разум. Да не пожелаем себе такого облегчения.

Объясняющие мир не знают, но с видом научной основательности соревнуются во внутрении своего незнания. Честнее высказывать предположения. Предположения не требуют доказательств.

Стройные философские учения напоминают игру в прятки: требуется угадать, где спрятан подвох.

Философу не важно, существует ли реально то, что он доказывает публике. Дух спортивный заводит его на соревнование. Дух созидателя зовёт дорисовать строение. Дух художника – придать ему гармонию.

Самые зыбкие открытия приходятся на долю философии. Тут бесконечно крутятся вокруг предмета и не находят, где стать, а когда уже готовы схватиться за предмет, он вдруг исчезает, как лужа миража.

Создано много конструкций из человеческих мыслей и слов, законченных, противоположно объясняющих мир. Мы же, любуясь их тонкостями, как не имели понятия о мире, так и не имеем.

Каждое философское учение стремится не оставить места возражению. И ни один мыслитель после Сократа не набрался мужества признать: а вообще-то, я знаю только то, что ничего не знаю.

Принять бы на вооружение принцип Калашникова: доводить любое выражение, любую мысль до предельной простоты и надёжности.

Второоткрыватели древнеиндийских учений об устройстве мира вроде Блаватской представляют их как новое озарение, как истину неизвестного, божественного происхождения, не тронутую молью. С их помощью боги всё ещё сбивают пахту для планет, варят заумный космический суп из троек и семёрок.

Прошло более века с тех пор, и простая русская лапша представлялась бы более современной.

Истина бежит от того, кто отходит от правды.

Тот, кто утверждает, что нет абсолютной истины, плавает в относительной безопасности.

Не всё расспрашивай, больше дерзай. Бывает, заблудившись, набираешь грибов.

Истина, как невеста, предпочтёт того, кто долго обхаживает.

Убеждают – сомневайся, и убеждаешь – сомневайся.

Ссылки на авторитеты, цитаты напоминают шест, которым вооружается канатоходец, не уверенный, что удержит равновесие.

Вл. Цаплин, опираясь на открытия современного научного мира, в котором он будто свой человек, выложил в работе «Гипноз разумности» смелые взгляды на жизнь и разум.

Жизнь, по Цаплину, не могла зародиться на Земле ни при каких условиях, не хватило бы времени для необходимых реакций. Откуда же взялась жизнь, он не знает, предположений не делает.

Что касается Бога, то его нет. Это он знает точно, и с такой страстью знает, что готов окатить каждого, кто с ним не согласится. В его глазах неверие в бога – главный критерий умного человека.

Жизнь, по его мнению, существует благодаря главному закону природы – саморепликации, закону, которым только и озабочено всё живое. Разум в размножении не помощник, жизнью он явно не предусматривался, и вреден. За противозаконное появление он объявлен автором недоразумением.

Пытаясь уяснить смысл, суть жизни, отделим все духовные, побочные ветви в рассуждении: любознательность, любовь к красотам внешнего мира и т. п. – и получим вместе с В. Цаплиным «в сухом остатке» несущий ствол, репликацию. Всмотримся неторопливо в свой продукт, и обнаружим, что, убрав главное, мы оставили ствол действительно *сухим*, бесплодным.

Что разум – это излишество, ошибка природы, – такое заключение не допускается самим здравым разумом.

Не дать себя зомбировать – научному жаргону, и увлечь – заносчивости.

Ответственный человек не может силой авторитета навязывать мнение там, где требуются доказательства. Он не может заявить, что Бога нет, что все загадки природы, в конце концов, будут сведены наукой к простым физическим явлениям и объяснены, – это бы означало подмену одной веры другой. Наука сама существует благодаря неуверенности и поискам. Наши

открытия – всего лишь приоткрытия. Нам ничего неизвестно о 95% невидимой, окружающей нас и заполняющей нас же материи. Многие законы нам ещё не известны, а известные не универсальны, они не могут действовать в чёрной дыре, не действовали до и в момент Большого взрыва во Вселенной.

Что дало бы основание самому грамотному человеку на Земле заявить, что нет Бога, нет всемирного духа, – когда мы все свидетельствуем о наличии собственного духа, и, зная универсальный закон аналогии, вправе ожидать его продолжения в новом качестве.

С одной стороны, то, что наше сознание – случайность, излишество природы – это заявление отчаяния в познании. С другой стороны, в нём можно увидеть и заносчивое самомнение *царя природы*. Исключение он, видите ли.

Если дух не бессмертен, – пропадает основание у человека любоваться, выделяя себя как нечто значительное на фоне плесени.

Поверив, что человек смертен и душа его никем не востребована, человек с отчаяния соглашается: быть по сему, и – присуждает себя жить с этим.

Но не так просто убить надежду. Человека выручают иногда вновь открывшиеся обстоятельства. Да и самому, истосковавшемуся, на помилование подать можно.

Случайна жизнь на земле. Случайно в живом возник разум. Случайно родился человек. Случайно потянула в мою сторону струя воздуха.

Скорее же дело обстоит по-другому. При данных условиях ветер должен подуть именно отсюда и именно с этой скоростью. И условия для ветра создались не суммой случайностей, они, в свою очередь, одно за другим были обусловлены. И жизнь – закономерное преобразование материи, здесь или в другом месте. И именно к разуму рано или поздно должна приходиться жизнь. И сознание – закономерное состояние материи.

Что бы ни выводилось на основе теории вероятности, в конце концов представляется невероятным, чтобы свершившееся могло произойти по-другому. В выборе между равными вариантами верх одерживает незамеченное нами преимущество.

Удивительно то, что во Вселенной появился Разум. И вовсе парадоксом представляется то, что до того как появиться, Разум отсутствовал.

Предположение, что всё в мире состоит из атомов, высказанное в древности Демокритом, в обыденном восприятии мира ничего не поменяло. То, что что-то из чего-то состоит, ни для кого удивительным не показалось.

К нашему времени стало известно, что атомы сами состоят из элементарных частиц, а квантовая физика добавила, что элементарные частицы способны превращаются в волны и обратно. Расстояния между частицами по сравнению с их размерами – огромны, и это пространство не пустота (оно заполнено энергией, как и межзвёздное пространство). В первый раз от этих знаний человек теряет, как будто стул из-под него убрали.

Говорят, галактики могли бы пройти одна сквозь другую. Мы не знаем, может, они и проходят. Когда мы говорим о параллельных мирах, нам предстоит объяснить себе последнее: как устроено, что мы не видны друг другу.

Наши знания об окружающем мире так ненадёжны, что даже всем известная мысль о бесконечности пространства во все стороны может показаться кому-то сомнительной. Отчего не допустить, что удаляясь от Земли, мы не вернёмся к ней с обратной стороны?

И почему не допустить круговорот во времени?

Всё или *весь* можно сказать о чём-то ограниченном. Применительно к бесконечному (пространству, времени, строению) *всё* сказать слишком смело.

Мы предполагаем иногда, что в будущем возможны или даже неминуемы духовный застой, а с ним и упадок цивилизации.

А может, мы нашу темноту нескромно называем цивилизацией и считаем деградацией то, что, возможно, является отрезвляющей ступенью развития.

В юности истину пылливо ищут в разносторонности, удовольствия в перемене. В зрелом возрасте мудрость предпочитает простоту, счастье связывается с постоянством.

По одной из теорий, Вселенная пульсирует и всё в ней раз за разом повторяется. Повторяемся и мы бесконечное число раз. А в этом случае правы фаталисты, беспочвенно утверждавшие, что всё предопределено, и что своей судьбы изменить нельзя.

Гаснет ли душа, когда гаснет сознание, или засыпает, чтобы проснуться?

«Оттуда никто не возвращался». В наше время это уже не так бесспорно. Те, кто выходил из комы (после клинической смерти), рассказывают о том, что они успели увидеть за пределом, и как им не хотелось назад. Авторитетные специалисты объясняют уход души через туннель галлюцинациями голодающего мозга. Но когда кто-то из потерпевших рассказывает, что он (без памяти, обездвиженный, с закрытыми глазами) видел сверху, что делали с его трупом, слышал весь разговор между врачами в палате и за её пределами, и те подтверждают это, специалистам на это сказать нечего.

Физически трудный взлёт и сладостный свободный полёт во сне. Кажется, человеку известно это состояние, как будто он летал задолго до того, как изобрёл самолёт. И в радости любви, и в духовном взлёте, и в добром уюте мы обнаруживаем проблески совершенства, к которому причастны от рождения.

Если бы новорождённое дитя ничего не соображало, оно бы и не стало соображать, и не улыбнулось бы в первый раз. Можно ли разбудить то, чего нет?

Неживое безвременно. То, что живет, находится в районе времени вокруг настоящего. То, что обретает память, ещё прихватывает к району. Границы разумного уходят за пределы его жизни, в бесконечность и неподвижность времени.

Смерть это пауза для разума, такая же, как для слуха затишье.

Законы могут оказаться сложнее, чем нам теперь представляются, а могут оказаться и гораздо проще. Может быть, вся сумма известных нам и неизвестных правил сводится к одному простому закону, построен же весь живой мир по единому принципу, из небольшого числа кирпичей. Как это часто бывает, ответ может оказаться проще задачи и выражается одним возгласом изумления.

Глава 2. Проявления Бога. Вера и сомнения

В мире с переменным успехом противостоят две веры: вера в Бога и вера в отсутствие Бога. И каждая выдаёт себя за знание.

Накатывающий вал научных открытий подточил веру в бога. Для деловых людей наука мало-помалу сделала наивную веру курьёзной. И хотя польза религии и пустота безверия не оспаривались бы, одно только соображение о пользе веры не переубедит скептика. Экстаз верующего для него иррационален.

Или этот мир весь на виду, как думает большинство непритязательных людей: стоит только в нём больше объехать, высмотреть, испытать на себе, почитать о нём, и мы его в основном себе представляем. Или несравненно больше от нас скрыто. В этом мы, чем дальше живём, тем больше убеждаемся.

Заветная мечта человека – утвердиться *в знании* своего бессмертия.

На сомнения наших знаний всегда хватает.

Серьёзными людьми основательные вещи не принимаются на веру, а личная проверка всякому представляется и безнадёжной, и слишком затратной. Каждый плывёт в привычном потоке сложившихся условий и обычаев, держась поверхности. Лишь изредка случается, когда твёрдое дно вдруг само заденет, радостно испугав отчаявшегося пловца, и приглашает его встать на ноги.

Наравне с широко рекламируемыми открытиями и в противовес восхвалениям захватывающих научных побед следовало бы, по справедливости, регулярно предоставлять публике свидетельства нашего поражения – полный сборник подтверждаемых опытом, но необъяснимых опытным умом явлений. Удивительных явлений, в ряду которых правилом становится исключение из правил.

Не нужно бы и комментариев, пока к ним не готовы. Люди сами поймут как надо: смысл непознанного по важности далеко превосходит любопытные открытия и прямо указывает на стороннее в нас участие.

Мы преуспеваем в науке разбираться и пренебрегли наукой мыслить.

Когда простых наблюдений и знаний не хватало, философ пытался поймать истину в сеть словесных построений. Суть же оставалась равнодушна к нашему одеянию – новому или перелицованному.

«В споре рождается истина». Лучше в дружеской беседе, но и тут нельзя поручиться. Истина капризна, она зреет в тишине, доверяется одному и требует безраздельного внимания и постоянства.

Невозможно всё узнать, а главное, не нужно. Чтобы не смешаться, следует выделить для исследования болевые места наших интересов и сомнений.

Библейские чудеса, старые мифы для практичного человека не убедительны. Верующие, слушая их, просто подавляют свои грешные сомнения. Не верящие объясняют чудеса массовым гипнозом, по материалам современности.

Но тому, у кого неодолимо желание самому понять мир, жизнь предоставляет немало материала. Достаточно, к примеру, задуматься над самой возможностью ясновидения и точных предсказаний, сделанных в наши времена и известными людьми, например, В. Мессингом, – и попытаться объяснить всё это как-нибудь научно и иначе, чем присутствием и участием иного мира.

Н. Тесла иногда говорил, что не сам изобретает, а перенимает готовые технические идеи из «космического банка данных» (выражение не его, а поздних учёных). Он видел, что духовная сущность человека не погибает, что всё в мире разумно. Он говорил, что возможно создать (и он собирался это сделать) приборы для общения с душами умерших людей. Он предсказал 1-ю и 2-ю мировые войны, видел на расстоянии смерть и отход своей матери. Затвердить бы всё это у нотариуса с той же тщательностью, к какой мы привыкли в нестоящих делах, чтобы оно не превратилось с годами в сказку. Остановить бы на этих признаниях внимание всего человечества, признаниях, переворачивающих грубо-материалистическое представление о мире нашего обитания.

Спрашивают учёных, как объяснить возможность предвидения. Чтобы ничего не сказать, потому что сказать нечего, учёные объясняют этот феномен «изменённым состоянием сознания».

Религия несправедлива, когда обвиняет в неверии не себя, а пациента.

Неверие не преступление. Не виноват человек, если не дошёл сам, если не встретил проповедника, если не было в его жизни хороших преподавателей. Не виноват он, наконец, и в собственном бессилии.

Сбывающееся предсказание – шоковая терапия для убеждённого атеиста.
Природа предчувствует, человек и предвидит.

Предвидение – нечаянное вступление в божьи сени.

Мысль наша, как узор на замерзающем стекле, прорастает произвольно, и каждый раз может закончиться иным рисунком.

Всё, что было создано стоящего в общечеловеческом образовании, всё значительное в искусстве имело за собой важнейшие причины – поиски духовного путеводителя, массовая вера в него и равнение на него лучших людей. Без этой опоры и пассивной помощи не могло быть ни роста духа, ни устойчивого сохранения достигнутого. Эту мысль хорошо иллюстрирует нынешнее выхолащивание веры, утрата духовности, небывалое падение нравственных ориентиров и разруха в искусстве.

Чистый разум, как инструмент теоретических умозаключений, без успеха на протяжении веков доказывал существование бога. Люди могли просто верить в Бога, но не могли поверить философским доказательствам своих современников, манипулировавших словесными терминами.

К счастью для нас, зримое доказательство исподволь готовят – накопленные к нашему времени знания, нерядовые события, благодаря Интернету быстро расходящиеся и известные широким кругам населения.

Кто не видит в себе вечную душу, тот ещё не проснулся.

Разгадка мира посильна лишь простому, всё и сразу охватывающему средству. Это душа человека, исполненная любви к живущему, произрастающему и происходящему. Этому средству посильны не мысли, а замысел.

Знаний того, как живут окружающие, для понимания мира избыточно, их потребуется сокращать и упрощать, чтобы сделать пригодными для дела. Их же и недостаточно, потому что большая часть мира вне нашего круга.

Тайна рождения Вселенной, Галактик, тайна зарождения жизни, Происхождения обрывков ДНК на астероидах, распространения спор во Вселенной, кухня, где их готовят – всё это интересно и важно. Но самая большая тайна – сам для себя человек. Все вопросы исходят от него, поражённого увиденным. Все ответы возвращаются к нему, чтобы посеять новые вопросы. И ни один ответ его не удовлетворит вполне, пока он не откроет царские врата мира – знания бессмертия духа.

Где бы, когда бы ни появилось Сознание, оно по своему существу высшего над всем неосмысленным миром, естественно, начинает укореняться и закрепляться над ним. Рано или поздно оно должно было уйти от общей судьбы живого мира и решить вопрос своего бессмертия.

Волей судьбы нам представлен видимый мир для работы в нём, для нашей любви его и благодарности судьбе, или тому, кто её задал. Чтобы мы, широко захватив и ничего не утратив, с нашей добычей вошли через смертный леток.

В основу веры в Высшие силы ложился разный материал – случайные наблюдения, непонятые происшествия, слухи. Родилась вера, но было далеко до уверенности.

В наше время накоплено достаточно научного материала, меняющее ситуацию. Стало возможным получить какое-то объяснение Высшим силам. Пусть оно слабо, схематично, но всё же – оно позволяет думать о Них с чувством реальности.

Некоторые из тех, кто возвращался из клинической смерти, рассказывают, что *там* его встречали, как долгожданного, и если не родственник, то кто-то близкий по духу, благожелательно и с любовью. Суть происходящего они распознать не успевали. Но после того, как они это пережили, атеистов среди них точно не оставалось.

Непреодолимый барьер для логики – это вопрос о происхождении Бога. Не забегаем ли мы вперёд, когда задаём его, ещё не зная Бога.

Мыслящему человеку приходится изначально признать за данность физические законы мира. Допустив это, придётся и Бога признать за данность, как следствие первого допущения. Тогда придётся отказаться и от поиска Создателя, – и присоединиться к Нему как Устроителю.

Мы противопоставляем верующего и неверующего, а они не так далеко друг от друга. Верующий борется с сомнением, а неверующий поддается ему.

Пусть разумный колеблется в вере, но то, что его борьба не кончается в пользу неверия – выраженное признание разума, достойного вечности.

Правда – это проявление божества. Если тебе неуютна правда, ты становишься неуютным божеству.

Если человек живёт в неправде, Бог ему не помощник, он его не видит.

Верующий – и тот, кто допускает существование Бога, и тот, кто допускает правоту верующего. Суеверие, вера в приметы – выдают всё ту же веру человека в Бога над ним.

Верующий ближе к истине в любом случае. Если Бог есть, вера его потом подтвердится. Неверующий же отсутствия Бога не обнаружит, если он и прав.

Выражение *врождённый инстинкт* – это название главы биологии, которая не написана.

Религия благодатна для тех, для кого священник не поп, а батюшка, для кого Всевышний не бог, а Отец. Для простых, для большинства верующих людей.

У меня перед глазами встаёт давнишняя картина: белый свет молнии напряжённо выгравировал в окна, и тут же страшный треск молнии. Бабушка моя удивлённо и благоговейно воскликнула: «Ца-а-рица небесная!». Одновременно её рука безотчётно взметнулась креститься, а уже через мгновение, левой рукой, она поспешно закрывала окно от хлынувшего с неба потопа. Мне не избавиться от зависти к тому, как жили наши старики, не мудрствуя, без сомнений, просто в Боге.

О кончине верующих и ни во что не веривших: сезонное увядание не опасно, засыхание необратимо.

Кончившись здесь, очнёмся ли мы в ином месте?

Какой переход важнее – в жизнь или обратно? Верующего занимает обратная дорога.

Если бы наука, экономика и техника позволили обессмертить отдельных людей – о, какое горе принесло бы это тем, для кого такая услуга оказалась бы недоступной!

Что скажу Ему, когда предстану? Откуда бы мне было знать, что в Его глазах важно и что пустяки, если бы нам от роду не было вложено непреложное свойство: любить среду нашего обитания, живой мир и людей.

Прискучит разглядыванье картинок калейдоскопа, хотя и красивых, и разных, но однообразных по существу; подобно этому иссякнет интерес к разнообразию физической жизни.

На божьем суде ущербны интересы, неприкосновенна истина.

Будущего долго ждать.

Если бы Всевышний был к нам безучастен, мы не казнили бы себя так за зло, нехотя содеянное нами.

Кажется, что мука эта общая и для нас, и для Отца нашего.

Ты не увидишь суда божьего, суда, на который здесь, человеческий, мы насмотрелись. Тебя ни о чём не спросят, потому что всё о тебе знают. И не объяснят приговор, потому что он тебе самому будет ясен.

Первое и тягчайшее наказание грешнику в другом мире – возвращение ему совести и способности внезапно увидеть вред от себя и постичь логику дальнейшей судьбы своей души. «Что я наделал» – воскликнет душа с отчаянием необратимости.

Грешный человек виновен меньше, чем принято думать. Он ошибался. Это его любовь, общее всем начало и движитель жизни, завела его на ложную сторону ревности, мести, ненависти.

Грешно ли то, что никому не вредно? Или для такого случая грешны завышенные требования?

Душа моя – судья уму. В какую сторону меняется способность соображать, душа исправно замечает.

«Нет Бога кроме Аллаха» – холостая фраза. Бог не один, Бог един. И во что верит, и верит ли во что ясно человек, если видит дело в названии?

Когда Бог в нас, и мы исполняем общую работу, мы часть Бога, мы соучастники. Когда он вне нас, он непонятен, и чтобы задобрить опасного Бога, нужны храмы, ритуалы, поклоны. Мы не можем сообщить образу Бога ничего иного, как скопировать для него рутину человеческого тщеславия.

Кто я, обязанный всему или свободен от всего? Какая роль мне лучше?

Выше свободы – самоконтроль. Ниже – наша воля.

Первое время жизни, жадно впитывая красоты мира, человек как будто приближается к божьему замыслу. Уходит ли он с багажом лучшей поры жизни или с убытком, понесённым в дальнейшем от холода жизни и разочарования?

Всевышний не ведёт дневник за каждого. Какое самомнение нужно иметь человеку, чтобы приписывать Богу пристальный интерес к каждому его движению.

Дневник ведётся им самим, в дальнем закоулке памяти.

Memento mori. Беззаботный умирает раз, мыслящий всю жизнь.

Божественный мир это банк, где без угрозы дефолта хранятся наши добрые накопления. Античное предостережение «Помни о смерти» сменилось спасительным христианским призывом: *помни о Боге*. Это завершение долгого поиска человеком смысла своего бытия.

Идея проста, она понятна не одним избранным, а доходит до всякого человека.

Она действенна, потому что не на пустом тщеславии и не на страхе стоит. Её основа – само духовное естество человека. Требования христианства любить ближнего своего и быть справедливым созвучны человеку и легко принимаются.

Она утешительна: не зная страшного тартара древних, последователь её всегда готов предстать пред светлым Отцом, оставив здесь свой ненужный скарб.

Важно и то, что ты делаешь, но важнее, что добавил.

Надеяться на то, что под занавес жизни я заживу в согласии с Богом, а пока могу пожить в своё удовольствие, не оглядываясь на других, – не значит ли это перехитрить самого себя?

Наблюдателю не познать Бога. Он открывается соучастнику.

Что *там* из подобия нашему миру: демократия, олигархия, самодержавие? Там согласие такого рода, что не нужно власти.

Бога не вместить в образ. Для себя можно сконструировать замысел бессмертия, его становление, объединение, воздействие на мир. Но эта умозрительная схема годится лишь для гипотезы.

Человек в хоре божьего оркестра. Хор сглаживает изъяны певцов.

Представлению о Боге с общими для всех религий атрибутами вечности, всевидения, всемогущества и любви соответствует единая субстанция духа, любви и воли, осознающая без языков и переводов, проявляющаяся жизнью в материальном мире, действующая (существующая) безвременно в неизмеримом, едином пространстве.

Вселенная не велика, Вселенная бесконечна. Выражение «Велик Аллах» ограничивает Бога до околоземного владыки.

Некоторые люди трудно запоминают имена и в обращении их избегают, без особой неловкости, потому что не привязывают имя к человеку. И действительно, душу не назовёшь, а души людей однородны.

До Бога доходит наше естественное чувство любви к ближнему, ко всему живому, к красоте природы.

Всё богатство мира придано нам на пути к Нему.

Перед выпуском в свет мы прошли инструктаж; освоившись, потеряли бдительность.

Пустив нас в жизнь, Бог отпустил нас на собственную волю, оставив за собой один уголок – совесть. При настойчивости «свободолюбивого» человека Бог может покинуть этот уголок на остаток его пропащей жизни.

Прокрустово ложе свободы.

Если бессмертная душа выпущена в наш мир для временной и почему-то важной работы, – она не вовсе лишена памяти, напутствие придано ей от рождения.

О перевоплощении: и удивительно, и удивляться нечему.

Явление дежавю не имело объяснения и смущало умы до тех пор, пока ни получило названия. Теперь этот придурок знаком в лицо, и необходимость объяснения отпала.

Факты реинкарнации не раз подтверждены свидетельствами. Неизвестно, что в их основе: то ли это собственная память претерпевших, то ли нечаянное подключение их к *космической информации*. Неизвестно, кем учреждены механизмы, производящие с нами манипуляции, где обосновались, кем управляются, как действуют.

Уже привычно учёные говорят о мировой информации как о факте, но как-то связать это загадочное явление с известным понятием Бог не осмелятся.

Учреждение ад в представлении многих религий воздействует различными мучениями на тела осуждённых, на то, чего у души уже нет. Ничего подобного тому, что представляет себе мстительное, больное воображение палача-человека, в бестелесном мире не существует, а представление это – само по себе великий грех.

Возвращение оттуда (перевоплощение) тоже может быть не связано с наказанием, а является обычной для мира работой.

Перевоплощение не может обойтись без участия Высших сил. Ими же предоставляется и зал ожидания, и пересадочная платформа.

Если перевоплощение души не происходит по правилу выпавшей карты, а имеет целью совершенствование, то она вошла в плотный мир для полного участия в жизни. Её отвлечение исключительно на себя лишает её движения.

Если что-то позволяет прочесть судьбу человека, если имели место и оправдывались совершенно неожиданные и явно неслучайные предсказания, сделанные известными людьми и касающиеся крупных событий, то это прямые доказательства невидимого нами мира и его Распорядителя.

В своё время я сам, уроженец Курской области, был поражён нелепым предсказанием Ванги, что Курск утонет. А невероятное предсказание через много лет сбылось, оказавшись не той, но правдой. Думается, что в этом случае Ванга картинок будущего не видела, а только слышала из него чьи-то голоса и разговоры и передала, что слышала, сама не понимая смысла. Зачем бы ей, старому человеку, легкомысленные загадки. Но ведь слышала.

Физические законы мы привыкли понимать как данность, они не вызывают удивления. Законы же судеб непостижимы человеку; задать судьбу и сложить и увязать для её исполнения бесчисленные обстоятельства, – не объяснить иначе, как высшим расписанием. Или, скорее, наличием в запаснике варианта из случившегося.

Самое поразительное в предсказании – доказательство принципиальной возможности видеть картины будущего. Не означает ли это в свою очередь, что будущее существует уже сейчас, параллельно с настоящим.

Демонстрация умственных способностей и сил внушения, перехватывание чужой мысли на расстоянии, прозрения и безошибочные предсказания В. Мессинга и раньше, при его жизни, и ещё сейчас употребляются в развлекательных целях. Судьба пророка никогда не была завидной, судьба современного пророка – судьба медведя с кольцом в носу.

Между тем, он дал нам обильный материал для судьбоносных выводов. Он показал возможность мысленного общения людей, что даёт повод говорить о принципиальной возможности приёма и записи мыслей человека. Он несомненно видел будущее, и хотя сам не знал, откуда и как, нам он предоставил роскошную возможность не торопясь обдумывать возможности и варианты.

Для начала одно мы можем предположить твёрдо: мир не один, и даже в глубоком уединении возле нас происходят события разных эпох, нас окружает сонм людей, невидных нам.

Прорицателю не позавидуешь. Он несчастнее простых, не способных к этому людей; полуоткрытый мир перед ним – кошмарные сны наяву.

Одни верят в приметы или служебным экстрасенсам, т.е. реально зависимы от любого поветрия, другие, наивные, без остатка поверили в Бога и уже неподвластны тёмным силам.

Мы извечно принимали участие в устройстве мира, потому что мы часть Бога. Потусторонний мир выстроен и налажен нами же, (носителями разума, подобными нам). Ему не миллионы лет, он был всегда. И он всегда обустраивается.

Сюда, в растительную жизнь, мы или осуждены, или направлены, или сами вызвались на необходимую работу. И мы должны прожить назначенную жизнь в соответствии с естеством, как обещали.

Мы могли быть командированы одновременно – кто в Египет фараонов, кто в племя африканцев, кто в Россию Советскую. Это направление повторяется и меняется, как смена по очереди работающих и отдыхающих на трудном рытье котлована.

Мы живём не в прошлом, не в будущем, и не в разделяющем их миге, а в большом настоящем.

Там, откуда мы родом, время не течёт от прошлого к будущему, а движется на месте.

Что произошло на наших глазах или с нами, было и раньше, и существует в круговороте испокон веков.

Может быть, по божественному порядку душа не вся уходит в жизнь. Часть её не покидает своего мира и находится в связи со страждущей на земле.

Счастье человека таится исключительно в его свойстве любить: людей, дороги, погоду, птичьи стаи – весь божий мир. Не довольствуясь этим, искать чьей-то любви к себе – ловить ненадёжное эхо от собственных слов.

Любовная глухота приговорила бы высокий ум к пожизненному заключению.

Любовь, лишённая силы тревог и мук, мимолётна.

Жить ради людей озаряет радостью, жить ради их мнения сделает нищим.

И великая слава не обещает бессмертия. Погонишься за мирской славой, рискуешь вечностью.

Слава здесь – в том мире может оказаться отягчающим обстоятельством.

Мы грешим, если в хлопотах жертвуем радостью, какую дарит нам природа.

Тело стареет. Душа неизменна, как почерк.

Вера хороша, когда она сознание мобилизует, а не парализует.

Религия действенна, если она принята человеком не на себя, а применительно к ближним.

Истина одна. Разновидность вер – это разноликость изображений, исполненных проповедниками. Дорога к истине – слияние тропинок-вер по общему им существу.

Ковёр религии следует периодически выбивать от многовековой пыли, чтобы проступил её подлинный рисунок.

За правдой наклонись, истине поклонись.

Истина не меняется, она выше подвижного мира, представляя не видимость, а суть его. Послушать учёных, истина зависит от их открытий. Кому-то покажется, что они её выращают.

Цельное восприятие у животного и растительного мира не беднее нашего интеллектуального, анализирующего, разлагающего на составные части.

Последователи дзэн-буддизма прилагают долгие усилия, чтобы вернуть себе утраченное, цельное восприятие.

Мы интеллектом работаем над правдой, они душой пробиваются к истине.

Признанный мудрец, однако, понимает своё бессилие, потому что сознаёт, что мудрости его в действительности не на что опереться. В ту действительность, которая у него перед глазами, не каждый поверит.

Правда немногословна, истина очевидна.

Бог в своём величии терпим. Вера, детище проповедника, отдаляется от истины на расстояние своей агрессивности.

Кривда уже до реализации искривляет пространство.

Бог велик и в том, что остаётся в пределах необходимости. Мудрые люди, прообраз и подобие Бога, не своевольны.

Скромным людям Бог близок. Разумный отступил бы от разума, если бы похвалялся им. Мудрому человеку от похвал неуютно.

Мудрый народ, чтобы не впасть в слепоту, не переставал бы сомневаться в истинности возвещения, что он избран Богом.

Служитель, выступающий от имени Всевышнего, разоблачает себя.

Преступники и святые – это отклонения вниз и вверх от общего уровня людей. История народа описана количеством и амплитудой отклонений.

В характере гения – уход от пригретого места и общего мнения, в судьбе его – одиночество.

Судьба праведника в наше время предопределена. Масса новейшей информации раздавит его и похоронит без надгробия.

Умному, доброму человеку свойственна немногословность. Ближе к мудрости – молчание. Проповедник вовсе непоследователен.

Бог един и безвременен. Пророки же разных времён разноречивы. Проповедуя каждый часть отпущенной ему истины, они выражают больше себя, чем Бога. Если они заявляют, что посланы Богом, то это не более той правды, что и каждый из нас послан Богом.

Развитие религии это медленная поступь человечества от суеверий к осмысленной вере, от фетиши к Богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.